

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Хорт М.Г. Гибридная эпистемология добродетелей для философии науки // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 7-28. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_7

УДК 168.5

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_7

Гибридная эпистемология добродетелей для философии науки

Михаил Геннадьевич Хорт

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань, Россия

E-mail: mikhort@gmail.com

*Поступила в редакцию 07.03.2024, поступила после рецензирования 23.08.2024,
принята к публикации 16.09.2024*

Данная статья представляет собой исследование применимости эпистемологии добродетелей в дискурсе философии науки. Автор считает, что имеющиеся в современной философии науки подходы уделяют недостаточное внимания роли субъективных эпистемических характеристик в научной практике, сосредотачиваясь либо на социальных условиях производства знания (проект STS), либо на исследованиях методологии и критерия демаркации (проект постпозитивизма). При этом произошедший в эпистемологии ценностный поворот привносит в философию науки субъектоцентрированность, предполагающую обсуждение дисциплинарных границ не только как разницу в методологии, но и как разницу в культивируемых сообществом ученых интеллектуальных добродетелей. Актуальность исследования обусловлена потребностью использовать концептуальные схемы из современной теории познания для обсуждения научных дисциплинарных норм, имеющих

© Хорт М.Г., 2024

как ценностное, так и когнитивное содержание. Цель статьи заключается в предложении способа применения эпистемологии добродетелей как теоретической установки для оценки роли субъективных качеств ученых в процессе достижения целей науки. Теоретико-методологическая основа статьи – гибридная эпистемология добродетелей, предложенная Х. Баттали и К. Хуквеем. Такая теория интегрирует релейабилитские и респонсибилитские подходы к определению интеллектуальной добродетели. Статья включает в себя обсуждение различных уровней интеллектуальных добродетелей, их влияния на научную деятельность, а также анализ проблем интеграции релейабилитских и респонсибилитских подходов к понятию интеллектуальной добродетели. В основных выводах работы подчеркивается важность гибридного использования различных интеллектуальных добродетелей для достижения целей науки, таких как получение доказуемых истин и формирование общего понимания в научном сообществе, необходимость учета ценностных установок, лежащих в основе научного поиска, а также влияние личных убеждений на формирование знания в научной сфере.

Ключевые слова: интеллектуальная добродетель, релейабилитизм, респонсибилитизм, философия науки, гибридная эпистемология добродетелей

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-78-01221 «Нормативная эпистемология науки: классификация и компаративный анализ интеллектуальных добродетелей и пороков ученых», <https://rscf.ru/project/23-78-01221/>

Hybrid Virtue Epistemology for the Philosophy of Science

Mikhail G. Khort

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russia

E-mail: mikhort@gmail.com

Received 07.03.2024, revised 23.08.2024, accepted 16.09.2024

Abstract. This article examines the applicability of virtue epistemology within the philosophy of science discourse. It argues that contemporary approaches in the philosophy of science often overlook the significance of subjective epistemic characteristics in scientific practice, tending to focus either on the social conditions of knowledge production (as seen in the Science and Technology Studies project) or on methodological and demarcation criteria (as emphasized in postpositivism project). Meanwhile, the recent value turn in epistemology introduces a subject-centered perspective to the philosophy of science, suggesting that disciplinary boundaries should be understood not only in terms of methodological differences, but also in terms of intellectual virtues cultivated by scientific communities. The relevance of this study arises from the need to employ conceptual frameworks from contemporary epistemology to discuss scientific disciplinary norms that encompass both value and cognitive content. The aim of this article is to propose a method for applying virtue epistemology as a theoretical framework for evaluating the role of scientists' subjective qualities in the pursuit of scientific knowledge. The author based his research on the hybrid virtue epistemology developed by Heather Battali and Christopher Hookway, which integrates *reliabilist* and *responsibilist* perspectives to defining

intellectual virtue. This article discusses various levels of intellectual virtue, their impact on scholarly activity, and the conceptual challenges associated with such integration. The main findings underscore the importance of a hybrid approach to different intellectual virtues in achieving scientific objectives, such as obtaining verifiable truths and supporting a shared understanding within the scientific community. Additionally, the study also emphasizes the necessity of considering the values that underlie scientific inquiry, and the influence of personal beliefs on knowledge formation within the scientific domain.

Keywords: intellectual virtue; relativism; responsibilism; philosophy of science; hybrid virtue epistemology

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-78-01221, titled “Normative Epistemology of Science: Classification and Comparative Analysis of Intellectual Virtues and Vices of Scientists”. For more information, please visit <https://rscf.ru/project/23-78-01221/>

For citation: Khort M.G. Hybrid Virtue Epistemology for the Philosophy of Science, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 7-28. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_7

Введение

Современная философия науки имеет корни либо в социологизаторских проектах в стиле STS (Science and Technology Studies), либо в постпозитивистских дискуссиях о статусе обобщенной научной методологии и критериях демаркации. При этом субъективные характеристики ученых привлекают внимание в основном только историков и биографов. Возможно, единственная философская область, для которой субъективные характеристики представляют специальный интерес, – это этика науки, поскольку она имеет дело с исследованием нормативных регуляций. Одновременно с этим в эпистемологии, которая должна служить теоретическим основанием для философии науки, происходит так называемый «ценностный поворот». Одним из наиболее важных аспектов этого поворота является возникновение и развитие эпистемологии добродетелей (Virtue Epistemology). Как отмечает А.Р. Каримов, «особенностью этого ценностного поворота, который совершает [эпистемология добродетелей], является ее субъектоцентрированность, проявляющаяся в том, что в качестве эксплананса в эпистемологии используются понятия, относящиеся не к свойствам абстрактных пропозиций, а ценностным свойствам познающего» (Каримов 2021: 9). Иными словами, данное направление характеризуется особым вниманием к тому, как когнитивный агент продуцирует убеждения и какие характеристики агента позволяют считать имеющиеся у него знания личной заслугой.

Использование концептуальной схемы эпистемологии добродетелей представляется перспективным в контексте дискуссий об основаниях науки как особой когнитивной практики, а также при обсуждении нормативной регуляции внутри сообщества ученых. В силу своих базовых установок эпистемология добродетелей успешно применяется в различных областях социальной и прикладной теории познания. Например, плодотворной оказалась интеграция эпистемологии добродетелей в исследования

по философии истории (Paul 2011), медицины (Emran 2015), а также теории принятия решений и управления, в философию критического мышления (Paul 2000) и политическую философию (Boult 2021). Растет количество публикаций, где эпистемология добродетелей применяется для решения проблем теории образования (Battaly 2006; Baehr 2015; Croce, Pritchard 2022). Исходя из всего этого, кажется, что не должно быть проблем с ее интеграцией в дискурс философии науки. Тем не менее в этом направлении можно назвать крайне небольшое количество работ, большинство из которых посвящены локальным темам вроде классификации профессиональных научных добродетелей (Dongen, Paul 2017) или связи интеллектуальных добродетелей с этическими (Engberts 2022). Подобная ситуация обусловлена тем, что теоретическая эпистемология добродетелей и философия науки подходят к своим проблемам по-разному. Если эпистемолог может поставить в качестве проблемы для размышления вопрос «чем является интеллектуальная добродетель?», то философ науки, вероятно, добавит «в каких условиях?», превратив вопрос в нечто вроде «какие интеллектуальные добродетели важны для российских лингвистов начала двадцатого века?». Таким образом, историзм и контекстуализм отличают добродетельную философию науки от спекулятивных эпистемологических исследований в этой области. Но говорить о роли интеллектуальных добродетелей в конкретных эпизодах научного развития возможно лишь тогда, когда имеется общее согласие относительно базовых понятий, а также способов их применения. Последнее до сих пор не было реализовано ни в рамках философии науки, ни в самой эпистемологии добродетелей. Это связано с тем, что эпистемология добродетелей дихотомически делится на два направления – релайабилитизм и респонсибилитизм, которые дают различные исходные дефиниции. Поэтому не вполне ясно, о каких добродетелях мы должны говорить, обсуждая практику научного исследования.

Целью данной статьи является предложение доводов в пользу сближения эпистемологии добродетелей и философии науки. При этом анализ будет ограничен общим уровнем, то есть речь пойдет о науке как когнитивной практике вообще, а не об отдельных дисциплинах. Исходя из этого, главная задача – предложить гибридную концепцию эпистемологии добродетелей, которая была бы плодотворна для дальнейших локальных исследований научной методологии, исследовательских норм и регуляции внутри сообществ ученых. Для решения поставленной задачи вначале будут рассмотрены достоинства и недостатки релайабилитизма и респонсибилитизма, а затем предложен концепт исследования со множественными целями, который, как ожидается, может выступать «общей скобкой», объединяющей разрозненные представления о роли интеллектуальных добродетелей в контексте науки.

Релайабилитизм, респонсибилитизм и возможность гибридной теории в эпистемологии добродетелей

В рамках современной эпистемологии сложились два альтернативных исследовательских подхода. Первый из них, который можно назвать

«доксастическим», рассматривает убеждение в качестве основного предмета анализа. По определению Х. Баттали, «в эпистемологии, основанной на убеждениях, убеждения являются первичными объектами эпистемической оценки, а знание и обоснование, являющиеся оценками убеждений, выступают как фундаментальные эпистемологические понятия и свойства» (Battaly 2008: 640). Убеждение в данной парадигме выступает в качестве «нейтральной среды», к которой добавляются различные эпистемические характеристики, превращающие его в знание или заблуждение. Среди таких характеристик традиционно называют обоснованность (Stefanov 2016), гарантированность (Plantinga 1993), нормативную поддержку (Goodman, Salow 2023) и т.д. Главной особенностью доксастического подхода в эпистемологическом анализе является игнорирование когнитивного агента, который является носителем рассматриваемого убеждения. В некоторых теориях это игнорирование происходит явно, как, например, в работе К. Поппера «Эпистемология без познающего субъекта» (Поппер 1983: 439-495). В таком случае убеждение рассматривается исключительно в своем пропозициональном выражении. Некоторые исследователи тем не менее отмечают, что убеждение – это еще и ментальное состояние, установка (attitude), что предполагает наличие субъекта-носителя установки (Nagel 2013). Но дальше подобной декларации сторонники доксастического подхода, как правило, не заходят, отмечая, что ментальные состояния – это предмет преимущественно психологического исследования, а не философского.

Второй подход, альтернативный доксастическому, – это эпистемология добродетелей (его также можно назвать «аретическим», от греч. arete – добродетель). Ее особенность в том, что она рассматривает когнитивного агента, а не убеждение в качестве основного предмета своего анализа. Хотя эпистемология добродетелей тоже стремится выработать максимально непротиворечивые дефиниции знания или обоснования (и вместе с тем решить традиционные эпистемологические проблемы вроде кейсов Геттиера, проблемы Менона или трилеммы Мюнхгаузена), для нее первично внимание к персональным состояниям и диспозициям интеллектуального поведения. В рамках эпистемологии добродетелей знание не сводится к его пропозициональному выражению в качестве истинного и обоснованного убеждения, но рассматривается как активная практика, реализующаяся когнитивными агентами в определенном контексте, которым может служить пространство обыденной коммуникации, научного исследования или междисциплинарного спора. Поэтому, как пишет С.Р. Муртазин, «одним из неявных оснований возникновения и развития данного направления [эпистемологии добродетелей] является возрастающее внимание к роли коммуникации в процессе формирования знания» (Муртазин 2021: 37).

Таким образом, если для доксастического подхода субъект второстепенен (достаточно, чтобы он был «мозгом в чане»), то в эпистемологии добродетелей он рассматривается как активно рассуждающий, мыслящий, обладающий репертуаром когнитивных способностей агент, чьи убеждения должны быть оценены в качестве результата реализации какой-либо интеллектуальной добродетели.

Связывая достижение познавательного успеха (в виде знания, истинного убеждения или понимания) с реализацией интеллектуальной добродетели, сторонники аретического подхода вынуждены объяснить, какие качества агента являются добродетелями, почему именно они позволяют достичь успеха и как агент их может получить и развить. Со всеми этими задачами связан ряд концептуальных трудностей. Одна из них возникает из-за семантической особенности понятий о добродетелях, которые являются в основе своей дескриптивными, но не лишенными, однако, нормативной составляющей. Устоявшееся обозначение для таких понятий – «плотные моральные концепции». Разделение концепций на «плотные» (thick) и «тонкие» (thin) пришло из метаэтики, где под первыми понимаются такие понятия, как «добрый», «справедливый», «честный», а под вторыми – «хорошо», «плохо», «правильно» (Battaly 2008). Семантическая особенность «плотных» понятий о добродетели позволяет при их анализе апеллировать к примерам личностей как идеальных типов тех или иных качеств (это называется экземпляризмом) (Каримов 2017b). Одновременно с этим необходимо объяснить, почему именно эти черты являются превосходствами, делающими своего носителя лучше в эпистемическом отношении. Последняя задача вынуждает эпистемологов использовать язык оценок и ценностей в своем исследовании и даже рассматривать эпистемологию как нормативную дисциплину.

При этом основная проблема, с которой сталкивается аретический подход, имеет более фундаментальный характер. Она связана с тем, что само понятие интеллектуальной добродетели не имеет одного устойчивого определения. Так, выделяют по крайней мере два базовых конкурирующих подхода, которые предлагают различные дефиниции: с одной стороны, можно говорить об интеллектуальной добродетели как надежном когнитивном навыке (релайабилитизм), а с другой – как об устойчивой черте интеллектуального характера (респонсибилитизм).

В основе релайабилитистской версии эпистемологии добродетелей находится идея, что навыки, определяющие надежные когнитивные процессы, – это имеющаяся у субъекта предрасположенность к когнитивному успеху (Goldman 1979: 5). Иными словами, навык есть степень совершенства. В свою очередь, как утверждает Э. Соса, интеллектуальные добродетели – это «устойчивые предрасположенности (диспозиции) к обретению истины», которые можно рассматривать в качестве «первичного обоснования» (Sosa 1980: 20).

Такой подход позволяет объяснить разные степени надежности, которые могут быть у разных когнитивных процессов в случае, когда они реализуются разными субъектами. Кроме этого, навыки должны проявляться в соответствующей среде. Классический пример: профессиональный лучник является надежным стрелком, потому что его мастерство в стрельбе из лука подтверждается большим количеством случаев попадания в цель (Sosa 2007: 22-23). Но если он вынужден стрелять в ситуации сильных порывов ветра, его навыки не могут быть проявлены в полной мере. То же самое можно отнести к достижению познавательного успеха. Хорошее зрение или

память иногда могут подводить своего обладателя, но в целом их использование максимизирует вероятность формирования истинного убеждения. При этом ссылка на надежную когнитивную способность может рассматриваться как способ обоснования. Например, если кто-то вас спрашивает, откуда вы знаете, что за окном идет снег, вам достаточно сказать, что вы сами это увидели. Такой ссылки будет достаточно в обыденных контекстах.

Релейабиллизм сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, его представителям необходимо решить так называемую проблему общности (The Generality Problem), то есть объяснить, какому уровню когнитивных процессов они предиктируют надежность (Conee, Feldman 1998). С одной стороны, мы можем говорить об общих процессах, таких как визуальное восприятие, с другой стороны – о более локальных способностях, как, например, способность визуально отличать настоящий амбар от декорации. Если надежность – свойство общих процессов, то их оказывается проблематично контекстуализировать. Если надежность – свойство локальных процессов, то они могут быть конкретизированы до единичных познавательных актов. Еще одна проблема – это определение границ надежного когнитивного процесса. В примере с визуальным восприятием мы можем задаться вопросом: когда начинается этот когнитивный процесс? В момент попадания света на сетчатку глаза, в момент возбуждения нейронов в коре головного мозга или когда агент осознает наличие у него визуального восприятия? В любом случае, если добродетель – это некоторое превосходство, то чисто физиологические процессы не могут рассматриваться как интеллектуальные добродетели, так как они не являются заслугой когнитивного агента.

Другой способ говорить об интеллектуальных добродетелях – это респонсибиллизм. В данном случае эпистемология рассматривается как преимущественно нормативная дисциплина в стиле «этики убеждений» У. Клиффорда (Клиффорд 2019). Для респонсибиллизма добродетель не является свойством изолированной когнитивной способности, но определяется как устойчивый тип интеллектуального поведения, характеризующий личность того, кто это поведение реализует. Если к релейабиллистским добродетелям относят такие внешние относительно нашей личности параметры, как хорошая память, восприятие или зрение, то респонсибиллизм говорит о прямой внутренней связи между нашими познавательными мотивациями и целями, которая проявляется через качества вроде интеллектуальной ответственности, автономии, непредвзятости, доверия авторитету и т.п. Дж. Баэр утверждает по этому поводу, что «часто успех или неудача исследования имеют более личный источник. Это связано с тем, что исследование имеет активное измерение... оно требует проявления определенных интеллектуальных качеств характера. Например, оно может потребовать от человека внимательного наблюдения, вдумчивого или непредвзятого воображения, терпеливого размышления, тщательного и скрупулезного анализа или справедливой интерпретации и оценки. Как следует из сказанного, исследование предъявляет к познающим значительные личные требования» (Baehr 2011: 1). Респонсибиллистский подход наиболее далек от того образа эпистемологии, который господствует в докстических теориях. Можно

даже утверждать, что он ближе к нормативным и метаэтическим концепциям, из которых черпает многие аргументативные стратегии, чем к традиционным теориям знания и познания.

Респонсибилистская эпистемология добродетелей, как и ее релятивистская альтернатива, сталкивается с рядом проблем. Так, некоторые исследователи считают проблематичным говорить об устойчивых диспозициях интеллектуального поведения (равно как и этического). Для поддержки данного тезиса приводится ряд эмпирических доказательств из области социальной психологии, которые гипотетически показывают, что люди ориентируются скорее на параметры среды, а не на «воспитанные» предрасположенности. Данная проблема получила название «ситуационистского вызова» (Каримов 2017а). Необходимо отметить, что эта проблема не является наиболее трудной для респонсибилизма, так как указанные эксперименты критикуют за неверную операционализацию базовых понятий эпистемологии (Sreenivasan 2002).

Более философской, а одновременно с тем и более трудной является проблема, связанная с так называемой «эпистемологией пороков» (Vice Epistemology). Говоря о добродетелях, мы до этого не упоминали их нормативную противоположность – пороки (Cassam 2016). К ним относятся те качества личности, которые, как предполагается, приводят когнитивного агента не к эпистемическому успеху, а к неудачам, например, к догматичной убежденности в чем-то ложном.

Проблема заключается в том, что можно привести целый ряд примеров, показывающих, что существуют obstructive добродетели и продуктивные пороки. Иными словами, возможны ситуации, когда эпистемически ответственное формирование убеждений приводит к заблуждениям, а поведение, считающееся эпистемически порочным, напротив – к знанию, истине и пониманию. К примеру, в статье «Математическая практика и эпистемические добродетели и пороки» Ф. Тансвелл и И. Кидд описывают работу семинара И. Гельфанда, отмечая ряд свидетельств об эпистемически порочном поведении его организатора, которое тем не менее систематически приводило к получению нового математического знания (Tanswell, Kidd 2020). В связи с этим возникает центральный вопрос: что заставляет нас считать черту характера добродетелью? Традиционный ответ предполагает, что добродетель должна максимизировать вероятность истинности убеждения. Но в таком случае теряется основная особенность респонсибилизма – его акцент на мотивациях когнитивного агента. Ведь если в пределах ценности обладает только успех в достижении истины и знания, то способ достижения этого успеха оказывается менее значим. Данная проблема является своеобразным дискурсивным двойником проблемы из нормативной этики, где акцент на мотивациях субъекта действия со стороны деонтологов позволяет оправдать ужасные последствия, а акцент на последствиях со стороны консенквенциалистов, напротив, нивелирует значимость мотиваций и способов реализации поступка.

Помимо указанных частных проблем, с которыми сталкиваются оба подхода, возникает общая сложность для всей эпистемологии добродетелей.

Она связана с тем, что оказывается проблематичным говорить о релейабилитских и респонсибилитских добродетелях в рамках одной теории. В последнее время появляются попытки создания двухуровневых или гибридных теорий, которые, вопреки всем их преимуществам, трудноприменимы в частных областях эпистемологии (Ichikawa, Jarvis). Причина этого в том, что релейабилитизм является по большей части индивидуальной эпистемологией, применимой скорее к обыденному знанию и конкретным, единичным познавательным актам, когнициям. Респонсибилитизм, в свою очередь, выходит в область социальной эпистемологии, поскольку респонсибилитски понимаемые добродетели являются такими чертами характера, приобретение, культивация и реализация которых невозможны вне социального взаимодействия. Таким образом, мы видим, что эти теории не просто вводят разные базовые определения, но, вероятно, говорят о разных уровнях познания.

При этом исходный тезис эпистемологии добродетелей позволяет преодолеть узость доксистического подхода к знанию, ограниченного анализом убеждений и способов их обоснования (или поддержки) посредством других убеждений. Как замечает К. Хуквей, эпистемология добродетелей возвращает в философию взгляд, в соответствии с которым знание является заслугой, ценностью, получаемой в результате практики определенного рода (Hookway 2003). При этом содержание данной практики остается суггестивным. Сам Хуквей предлагает использовать понятие «исследования», которое является общей скобкой для эпистемических практик разного уровня: от обыденного до научного или религиозного (Hookway 2006). В практике исследования интеллектуальные добродетели играют регулятивную роль, направляя способы достижения эпистемических благ. Таким образом, теория познания, с его точки зрения, должна быть понята как «описывающая и объясняющая наши... эпистемические оценки», а также «исследующая, насколько наши эпистемические цели уместны» (Hookway 2003: 192). Подобный подход ставит перед нами несколько вопросов. Во-первых, необходимо понять, о каких целях идет речь и что оправдывает их уместность или неуместность. Во-вторых, необходимо уточнить само понятие исследования как «общей скобки» эпистемической практики. В-третьих, необходимо объяснить возможность применения указанного подхода для объяснения локальных эпистемических практик, в частности – научного познания.

Две эпистемические цели исследования

В предыдущем разделе были кратко описаны два конкурирующих проекта эпистемологии добродетелей – релейабилитизм и респонсибилитизм. Открытым остался вопрос об их взаимосвязи, то есть о возможности создания гибридной теории. Некоторые эпистемологи считают, что подобная интеграция принципиально нереализуема, поскольку указанные проекты говорят о разных уровнях знания. Релейабилитисты могут объяснить роль когнитивных навыков в получении обыденного знания, например, связанных с чувственными восприятиями или памятью. Но их эпистемология

бесполезна при обсуждении сложных социальных эпистемических практик вроде научного исследования. Одновременно с этим респонсибилисты могут объяснить роль интеллектуального этоса в образовании научной теории как комплексного знания. При этом будет неверным считать, что более общий уровень респонсибилистского анализа позволяет включить в него то, что объясняется релейабиллизмом. Проблема в том, что как релейабиллизм кажется бесполезным при описании производства комплексного знания, так же подход респонсибилизма оказывается трудноприменимым для объяснения обыденного знания. Для обоснования того, откуда я знаю, что за окном идет снег, было бы странно привлекать концепции вроде эпистемической ответственности или непредвзятости, ведь достаточно сослаться на наличие соответствующей когнитивной способности зрительного восприятия.

В данной статье предлагается подход, интегрирующий два проекта эпистемологии добродетелей в рамках обсуждения философских оснований научного исследования как когнитивной практики. Основной тезис заключается в том, что в деятельности ученого мы можем говорить о двух уровнях познания, связанных с разными эпистемическими целями. Достижение этих различных целей реализуется посредством комбинированного использования релейабиллистских и респонсибилистских интеллектуальных добродетелей. Иными словами, научная практика подразумевает актуализацию как надежных когнитивных навыков, так и развития специфических черт интеллектуального характера. Таким образом, гибридная концепция эпистемологии добродетелей, обсуждаемая в данной статье, ограничена областью науки. При этом наука понимается в данном случае предельно широко: это любая деятельность, направленная на изучение окружающего нас мира, исходя из объективистской установки и в рамках особых социальных институтов вроде лабораторий, академических институтов, научных журналов и т.д. Хотя предлагаемая схема, вероятно, в дальнейшем может быть применена к другим сферам, тем не менее наука кажется наиболее очевидным кандидатом на ту область действия гибридной эпистемологии добродетелей, о которой К. Хуквэй говорит, что стоит «...принять двухуровневую картину: мы не были бы надежными искателями истины или эффективными в решении теоретических проблем, если бы не обладали определенными навыками и способностями... но наш успех также требует от нас черт характера, которые позволяют нам наилучшим образом использовать наши навыки и способности в ходе исследований и обсуждений» (Hookway 2003: 187-188).

Как уже было отмечено, мы полагаем наличие множественных целей в научном исследовании. Речь идет исключительно об эпистемических целях, что оставляет за рамками анализа прагматические, экономические, политические и иные аспекты организации научного исследования. Как эпистемическая практика, оно движимо веритистской максимой стремления к утверждению истинных пропозиций относительно разных аспектов реальности (Stich 1990). Указанный веритистский принцип можно обнаружить на разных этапах развития науки. Можно сказать, что требование

доказуемой истины является тем, что отличает науку от других эпистемических практик вроде религии или художественного творчества. Тем не менее истина, судя по всему, не является единственной ценностью научного познания, особенно на современном этапе ее развития. Методологическая рефлексия прошлого века, осуществленная в рамках нео- и постпозитивистской философии, сделала общим местом утверждение о постоянной «незаконченности» научного поиска. Хотя доказуемая истина остается ценностью, тем не менее учеными признается ее принципиальная недостижимость в историческом контексте науки и истории идей. Отсюда следует, что должны быть иные, помимо веритизма, ценностные установки, задающие вектор научного поиска, сказывающиеся как на его форме, так и на содержании. Кажется правдоподобным утверждать, что в некоторых аспектах своей деятельности ученые ориентируются скорее на достижение личного состояния уверенности в некотором положении дел, основанного на понимании. Это понимание может быть достигнуто, когда ученый выходит за рамки строгой дисциплинарной методологии той или иной области, либо же в результате вненаучной рефлексии и междисциплинарного поиска. Подобная установка на достижение понимания оказывает существенное влияние на развитие теоретической науки и внутреннюю коммуникацию внутри сообщества ученых.

Двум указанным целям науки – достижению истины и понимания – необходимо атрибутировать различные способы (или скорее форматы) научного познания. Веритизм невозможен без взаимодействия с фактами, что предполагает использование учеными стандартных когнитивных способностей, имеющих у человека. В рамках исследования эти естественные способности и навыки получают техническое усовершенствование в виде различных приборов, установок и способов измерения. Но в целом это все еще релейабилитские интеллектуальные добродетели, которыми мы пользуемся в обыденном познании. Таким образом, релейабилитские добродетели нацелены на поиск доказуемой истины и ограничены веритистской максимой. Последнее также соответствует тому, что ключевым элементом интеллектуальной добродетели для релейабилитов является так называемый «компонент успеха». Под ним подразумевается то, в какой мере применение конкретного когнитивного навыка способствует надежному достижению истины. Если навык не позволяет достичь истины ни при каких условиях, то он будет скорее отнесен к интеллектуальному пороку, а не добродетели. Поэтому, как утверждает Дж. Греко, «ключевая идея не в том, что знание требует ответственности в действиях... а в том, что знание требует ответственности за истинное убеждение. Опять же, сказать, что кто-то знает, значит сказать, что его убежденность в истине может быть приписана ему» (Greco 2003: 111).

Таким образом, мы можем атрибутировать достижение доказуемой истины как цели тому этапу научного поиска, когда методологическая рефлексия и теоретизирование не составляют основного содержания научных дебатов. Подобное состояние характерно для повседневной научной деятельности в состоянии «нормальной науки», когда дисциплины

развиваются экстенсивным путем через накопление доказуемых истин. Для подобного формата науки характерно наличие консенсуса относительно того, как должна быть выстроена работа ученого, то есть как в рамках данной дисциплины происходит получение доказуемых истин. Таким образом, интеллектуальной добродетелью на данном этапе будет считаться то, что максимизирует вероятность получения истины. К таким характеристикам когнитивного агента будут относиться конкретизированные релей-абилистские добродетели вроде точности в наблюдении закономерностей или способности к математическим расчетам. Интеллектуально добродетельный исследователь – это тот, кто, обучившись определенному репертуару когнитивных навыков, адекватно, то есть методологически корректно, использует их для получения доказуемых истин в рамках собственной научной дисциплины.

Можно утверждать прямую аналогию между ситуацией обыденного познания и внутридисциплинарного научного исследования: в повседневных контекстах когнитивному агенту достаточно сделать ссылку на наличие когнитивной способности, чтобы обосновать убеждения относительно зрительных, слуховых или любых других восприятий, а в контексте науки достаточно показать, что агент использовал конкретную и принятую сообществом форму исследования. На данном этапе не столь важны респонсибилистские добродетели, поскольку предписанный способ эпистемического поведения ограничен научным консенсусом.

Иная ситуация возникает как минимум в двух случаях: когда предметом интереса ученого является сама методология и когда он выходит за рамки своей дисциплины, то есть реализует междисциплинарное исследование. В этих случаях нет одного надежного способа получения истины, а значит, нет руководящего принципа, которому должен следовать ученый. В такой ситуации первичными оказываются респонсибилистские добродетели, поскольку они скорее способствуют достижению понимания, а не доказуемой истины. Разумеется, на данном этапе истина также является важным «приобретением», но она не выступает в качестве абсолютной цели (Kvanvig 2003). Некоторые эпистемологи склонны считать, что в ситуации междисциплинарного исследования ученые не привержены веритистской максиме и переопределяют цели науки на достижение общего понимания, а не истины (Riggs 2003). Интересно, что подобный взгляд присущ не только аретическому подходу, но и некоторым другим эпистемологическим проектам. В частности, в проекте натурализованной эпистемологии У. Куайна говорится о научном исследовании как сетевой, когерентно организованной совокупности убеждений, которые придают осмысленность нашему опыту (Quine 1970). Помимо этого, он также атрибутирует получение доказуемых истин дисциплинарному уровню исследования, воспроизводя релейабилистскую по своему смыслу аргументацию: «как математика должна быть сведена к логике или логике и теории множеств, так и естественное знание должно быть так или иначе основано на чувственном опыте. Это означает объяснение понятия тела в сенсорных терминах; вот концептуальная сторона. И это означает, что мы долж-

ны обосновывать наше знание истин природы в сенсорных терминах» (Quine 1969: 71).

Постулирование понимания в качестве центральной эпистемической цели научного исследования существенно меняет наше представление о регулятивных принципах науки. Действительно, если в междисциплинарном и теоретическом исследовании доказуемая истина является второстепенной ценностью, то возникает опасность релятивизации науки. Последнее можно парировать утверждением, что общие респонсибилистские добродетели являются своеобразными предохранителями от использования учеными построений в духе анархистской эпистемологии. Хотя респонсибилистские добродетели не предписывают, как достичь истинного убеждения, они устанавливают границы допустимого для рассматриваемой социальной роли, в данном случае – роли ученого, которая определяется через черты интеллектуального характера вроде критичности, непредвзятости и преданности объективистской установке, о которой много сказано Л. Дастон и П. Галисоном (Дастон, Галисон 2018).

Дисциплинарное и внедисциплинарное исследование

Научное знание, как уже было отмечено, – это всегда сеть убеждений. Некоторые из этих убеждений необходимы не сами по себе, а только для обоснования других. Такие убеждения мы будем называть инструментальными. При этом общая цель исследования (ее достижение) напрямую зависит от эпистемического успеха в получении знания, основанного на указанных инструментальных убеждениях. К примеру, в рамках зоологического исследования ученый или группа ученых могут стремиться решить вопрос о том, является ли некоторый признак данного животного результатом приспособления к среде обитания или же какого-то другого эволюционного механизма. Достижение цели такого исследования, очевидно, будет связано с решением множества частных вопросов: как операционализировано понятие о признаке, каков будет дизайн эмпирического исследования, компетентны ли исследователи в статистическом анализе и математическом моделировании генетических процессов и т.п. Все указанные проблемы предопределяют, будет ли достигнута общая цель исследования.

Данный выше пример относится к тому, что принято называть «высокоуровневым знанием». Но, как кажется, аналогия с обыденным знанием может быть проведена и здесь. Представим, что в своей повседневной жизни мы наблюдаем за каким-то объектом, допустим, собакой, которая гуляет на заднем дворе. В обыденных контекстах мы почти никогда не сомневаемся в убеждениях, полученных в результате работы привычных когнитивных механизмов вроде зрения или слуха. Но, задумываясь, истинно ли убеждение, что на заднем дворе гуляет собака, мы будем вынуждены поставить ряд второстепенных вопросов и сформировать инструментальные убеждения. К примеру, возможно поразмышлять о том, какова вероятность, что эта собака лишь галлюцинация, и может ли оказаться так, что рассуждающий об этом на самом деле спит. Здесь мы видим важный аспект, позволяющий

говорить о прямом сходстве между разными уровнями знания: второстепенные вопросы исследования (будь то размышления о надежности эмпирической методологии в науке или перцептивного опыта в нашей повседневной жизни) практически никогда не являются явным, сознательным предметом исследования. Конечно, ученые прописывают в своих статьях методологию и дизайн исследования, но эта рефлексия не касается обсуждения надежности общенаучных процедур. Подобно этому, в обыденных контекстах низкоуровневого знания перцептивный опыт автоматически исключает скептические гипотезы относительно того, верно ли я распознал собаку на заднем дворе.

Таким образом, между контекстом научного исследования и обыденного знания нет существенной эпистемической разницы: ученый использует принятые инструменты и методы, а познающий в обыденном контексте – имеющиеся у него когнитивные навыки. Оба они являются интеллектуально добродетельными в смысле релайабилитской эпистемологии, а достижение ими познавательного успеха связано с решением (осознанно или нет) второстепенных когнитивных задач. При этом использование надежных когнитивных процессов должно быть подчинено общей цели исследования. Для этого интеллектуальные добродетели должны быть упорядочены и контекстуализированы. Иными словами, добродетельный когнитивный агент должен уметь использовать релайабилитскую добродетель по назначению в соответствующем месте и времени. Для всего этого требуются качества другого рода – респонсибилистские черты интеллектуального характера и диспозиции поведения. Как заявляет К. Хуквей, «успех в исследовании зависит от мудрости, воплощенной в наших суждениях, и от когнитивных привычек и навыков, которые мы приобрели благодаря образованию, опыту и тренировкам» (Hookway 2003: 200). Указанная «воплощенная мудрость», которую греческие философы, вероятно, описали бы через понятие «фронезиса», то есть благоразумия, позволяет оценивать наши эпистемические цели и пути их достижения. В этом аспекте респонсибилистские добродетели обнаруживают важную связь с успехом всего исследования.

Суммируя, можно утверждать, что чем лучше когнитивный агент идентифицирует и решает вопросы второстепенного порядка, тем с большей вероятностью он достигнет успеха в исследовании. Но все это невозможно без комбинированного использования релайабилитских и респонсибилистских добродетелей: первые позволяют формулировать инструментальные убеждения, а вторые – упорядочивать их в единый познавательный опыт.

Главный вопрос исследования, определяющий его цель, всегда подразумевает наличие ответов на множество второстепенных вопросов. Достижение цели зависит от методологической и дисциплинарной подготовки исследователя. Эта подготовка, помимо прочего, предполагает понимание реальности, к которой применима используемая методология. Данная подготовка осуществляется в рамках сообщества, которое объединено интернализированными нормативными критериями когнитивной практики. Эти интеллектуальные сообщества скрепляет консенсусный набор вопро-

сов или тем, а также выработанные способы ответа на них. В случае если удастся получить надежную доказуемую истину, реализованное успешное исследование формализуется. После формализации способ исследования становится экземпляром интеллектуально добродетельного способа образования истинных и обоснованных убеждений, то есть знания. Отсюда мы можем заключить, что научное сообщество возникает и развивается вокруг некоторой когнитивной практики, выраженной в форме нормативных предписаний, представленных как релейабилитские добродетели «хорошего ученого».

Тем не менее не вполне ясным остается вопрос о развитии методологии как исследовательской нормы. Ответом здесь может служить то, что форма и способ достижения задач самого исследования оцениваются в рамках внедисциплинарного исследования. Здесь первичную роль играют респонсибилистские добродетели и то, какие из них сообщество связывает со своей социальной ролью. Тогда как релейабилитские добродетели необходимы для непосредственного продуцирования надежных доказуемых истин, респонсибилистские черты характера оценивают сами когнитивные навыки, отбраковывая те из них, которые не соответствуют представлениям сообщества о целях его познавательной практики.

Последнее размышление необходимо проиллюстрировать примером. Наиболее ярким сюжетом в истории науки, в котором воспроизводится указанная схема взаимодействия разных типов интеллектуальных добродетелей, является фундаментальная дискуссия о значении методологического натурализма. Этот пример хорош по нескольким причинам. Во-первых, в силу своего масштаба эта дискуссия хорошо изучена в философии науки. Во-вторых, она охватывает все возможные естественные науки. В-третьих, она касается самих основ научного мировоззрения и говорит о научном методе как таковом, что позволяет не конкретизировать аргументацию до уровня философии биологии, физики или какой-то другой дисциплины.

Под методологическим натурализмом подразумевается нормативная идея, что научное исследование не должно допускать объяснений через сверхъестественное (например, через ссылку на божественный замысел) (Ruse 2005). Данная установка является широко распространенной в науке на самых разных этапах ее развития, а ее возникновение связывают с обсуждением разницы между аргументативными стратегиями естественной теологии и натурфилософии, которое предпринималось в период научной революции (хотя есть резонные доводы считать, что эта проблема была актуальна как минимум со времен позднего Средневековья). Считается, что методологический натурализм сформировался как самостоятельная исследовательская парадигма в результате дефляции ценности телеологического и схоластического способов объяснения реальности (Lindberg, Numbers 2003). Хотя для науки объяснение через целевые причины перестало быть важным, оно сохраняло значение в рамках теологии, что привело к ситуации столкновения двух методологических программ. В дальнейшем методологический натурализм стал главным принципом естественной науки, отделив ее не только от теологии, но и от метафизики, то есть дисциплины,

основанной на философском рациональном спекулятивном мышлении. В конечном счете все это позволило мыслителям вроде П. Дюгема утверждать, что «заставлять физические теории зависеть от метафизики – это, конечно, не тот путь, который позволит им пользоваться привилегией всеобщего согласия... Если теоретическая физика будет подчинена метафизике, то отличия, разделяющие многообразные метафизические системы, распространятся и на область физики. Физическая теория, признанная удолетворительной сектантами одной метафизической школы, будет отвергнута приверженцами другой» (Duhem 1954: 10-11).

Возникновение методологического натурализма является процессом становления дисциплинарной нормы. Из указанного исторического примера мы видим, что респонсибилистские добродетели являются результатом междисциплинарного взаимодействия и рефлексии по поводу основ той или иной эпистемической парадигмы. В этом конкретном случае мы видим спор между двумя дисциплинами: схоластической теологией и натурфилософией. Данный спор касался способов исследования природы, причем он относился как к первичным (почему мы вообще изучаем природу?), так и вторичным (является ли наблюдение верным способом получения истин о природе?) вопросам. Можно сказать, что в рамках этих междисциплинарных дебатов целью было не обнаружение истин о природе, но достижения понимания о том, как получить соответствующие истины. Критерием успеха подобного исследования является достижение консенсуса, который предполагает отказ от дальнейших дебатов на эту тему (по крайней мере, внутри данного сообщества). После того как консенсус – общее понимание – был достигнут, методологический натурализм стал существенной характеристикой научной практики, одной из ее базовых установок. С этого момента исследовать природу «как ученый» – это изучать ее, не сомневаясь в продуктивности методологического натурализма. Восприняв подобную респонсибилистскую (по своей природе) добродетель, когнитивный агент вынужден приучить себя осуществлять познание в соответствии с практиками, не противоречащими методологическому натурализму. В дальнейшем эти практики воспринимаются как фоновые допущения, обуславливающие форму исследования.

Таким образом, лишь после появления устойчивой формы исследования, определяющей границы дисциплины, релайабилитские добродетели становятся важнее респонсибилистских. Но последнее не означает, что на этапе экстенсивного расширения «нормальной науки» респонсибилистские диспозиции интеллектуального характера не играют никакой роли или же вообще отбрасываются как не обладающие когнитивным потенциалом. Добродетели характера продолжают выполнять свою функцию поддержания границ дисциплины, но проявляются лишь в нестандартных ситуациях революционного дисциплинарного изменения (как позитивного, так и негативного для дальнейшего прогресса науки).

Исходя из сказанного, можно заключить, что форма организации научной дисциплины возникает в результате обсуждения общих целей исследования, определяющих его природу. Формализация способов ответов

на вторичные вопросы является побочным эффектом указанного обсуждения. Зачастую эту формализацию называют научным методом, то есть совокупностью рекомендаций по получению доказуемых истин в рамках рассматриваемой дисциплины. Подобное определение должно быть дополнено введением понятия интеллектуальной добродетели, что позволит объяснить его нормативное основание. В таком случае метод – это расширение эпистемических способностей, навыков и диспозиций интеллектуального поведения агента, представляющих собой нечто вроде естественных перцептивных возможностей, которые можно применять более или менее превосходно, то есть интеллектуально добродетельно. Получение доказуемых истин, исходя из этого, связано с умением применять конкретную форму исследования к конкретной тематической области, определяющей границы дисциплины.

Одновременно с этим в случае внедисциплинарного исследования релейабилитские нормативные предписания не работают. Подобное положение дел мы можем наблюдать в работах многих ученых и философов, когда они сталкиваются с ситуацией отсутствия консенсуса по поводу процедур получения доказуемых истин. Так, к примеру, Ф. Бэкон был одним из ярких сторонников методологического натурализма, о котором говорилось выше, что не мешало ему выстраивать определенные теологические и метафизические построения, основанные на других методологических установках. На его примере мы видим, что снятие ограничения методологического натурализма не является предосудительным вне контекста натурфилософии. Поэтому одна и та же форма исследования в одном случае (например, при обсуждении естественных фактов) является предосудительной, а в других – допустимой (например, при обсуждении того, как наука может способствовать достижению общественного блага). Важно, что общие респонсибилистские добродетели вроде интеллектуальной честности позволяют сформировать дисциплину, сепарировав ее от других эпистемических практик. Последнее лаконично объясняет С. Гаукрогер: «понятия истины и обоснования... в такой же степени зависят от представлений об интеллектуальной честности, как и от представлений о методе. В этой связи я рассматриваю положение натурфилософии у Бэкона, Галилея, Декарта и апологетов Королевского общества, уделяя особое внимание утверждениям, что натурфилософия требует интеллектуальной честности, отсутствующей в схоластике» (Gaukroger 2006: 5).

Заключение

В данной статье мы стремились предложить объяснение того, как возможно применение эпистемологии добродетелей в качестве теоретической установки, позволяющей приблизиться к пониманию нормативных основ научного исследования. Основная проблема в создании такого проекта интеграции заключается в том, что существует два различных смысла понятия «интеллектуальная добродетель» – релейабилитский и респонсибилистский. Их проблематично интегрировать в единую концептуальную схему из-за того, что они говорят о различных уровнях или типах знания.

Эта особенность эпистемологии добродетелей делает ее трудноприменимой в прикладных вопросах философских оснований науки. Тем не менее в рамках научного исследования возможно увидеть гибридное использование различных интеллектуальных добродетелей для достижения двух основных целей науки – получения доказуемых истин и достижение общего понимания или консенсуса.

Хотя как релейабилитские, так и респонсибилистские добродетели необходимы для всех форм исследования, тем не менее на уровне отдельной дисциплины, находящейся в состоянии «нормальной науки», определяющую роль играет приверженность ученого надежному способу продуцирования доказуемых истин. Надежность дисциплинарного способа формирования обоснованных истинных убеждений идентична релейабилитским когнитивным способностям, так как это в определенной степени «автоматический» навык, реализация которого может быть более или менее превосходной. Но в тот момент, когда ученый начинает интересоваться, как его научное исследование может быть встроено в широкий контекст осмысления нашего опыта, возникает внедисциплинарный контекст. Он может воплощаться в формате методологической рефлексии или междисциплинарного исследования. В любом случае в междисциплинарном контексте релейабилитские превосходства становятся менее значимыми, так как неочевидно, как именно следует действовать. Относительно подобного исследования не существует согласия в форме, а значит, нет однозначных эпистемических предписаний. Это способствует тому, что респонсибилистские добродетели характера оказываются первичными регуляторами познавательной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дастон Л., Галисон П. 2018. Объективность. Москва : Новое лит. обозрение. 584 с. (История науки).
- Каримов А.Р. 2017а. Вызов ситуационизма для эпистемологии добродетелей // Вестник Вятского государственного университета. № 11. С. 10–15.
- Каримов А.Р. 2017б. Моральный и интеллектуальный экземпляризм // Общество: философия, история, культура. № 12. С. 15–18. DOI 10.24158/fik.2017.12.2
- Каримов А.Р. 2021. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 6–21. DOI 10.5840/eps202158455
- Клиффорд У. 2019. Этика убеждения // Философия. Журнал Высшей школы экономии. Т. 3, № 3. С. 37–53. DOI 10.17323/2587-8719-2019-3-37-53
- Муртазин С.Р. 2021. Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №. 5. С. 35–51.
- Поппер К.Р. 1983. Логика и рост научного знания. Москва : Прогресс. 604 с.
- Baehr J. 2011. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford : Oxford Univ. Press. 256 p.
- Baehr J. 2015. *Intellectual Virtues and Education: Essays in Applied Virtue Epistemology*. New York : Routledge. 284 p.
- Battaly H. 2006. *Teaching Intellectual Virtues* // *Teaching Philosophy*. Vol. 29, iss. 3. P. 191–222. DOI 10.5840/teachphil200629333

- Battaly H. 2008. *Virtue Epistemology* // *Philosophy Compass*. Vol 3, iss. 4. P. 639–663. DOI 10.1111/j.1747-9991.2008.00146.x
- Boult C. 2021. The (Virtue) Epistemology of Political Ignorance // *American Philosophical Quarterly*. Vol. 58, iss. 3. P. 217–232. DOI 10.2307/48616057
- Cassam Q. 2016. Vice Epistemology // *The Monist*. Vol. 99, iss. 2. P. 159–180. DOI 10.1093/monist/onv034
- Conee E., Feldman R. 1998. The Generality Problem for Reliabilism // *Philosophical Studies*. Vol. 89, iss. 1. P. 1–29.
- Croce M., Pritchard D. 2022. Education as The Social Cultivation of Intellectual Virtue // *Social Virtue Epistemology* / ed. by M. Alfano, C. Klein, J. de Ridder. London : Routledge. P. 583–601.
- Dongen J. van, Paul H. (eds.) 2017. *Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities*. Cham : Springer. 198 p.
- Duhem P. 1954. *The Aim and Structure of Physical Theory*. Princeton : Princeton Univ. Press. 344 p.
- Emran S. 2015. The Nature of Epistemic Virtues in the Practice of Medicine // *Medicine, Health Care and Philosophy*. Vol. 18, iss. 1. P. 129–137. DOI 10.1007/s11019-014-9567-8
- Engberts C. 2022. *Scholarly Virtues in Nineteenth-Century Sciences and Humanities: Loyalty and Independence Entangled*. Palgrave Macmillan. 226 p. DOI 10.1007/978-3-030-84566-7
- Gaukroger S. 2006. *The Emergence of a Scientific Culture: Science and the Shaping of Modernity, 1210–1685*. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press. 572 p. DOI 10.1017/S0007087408000915
- Goldman A.I. 1979. *What is Justified Belief* // *Justification and Knowledge* / ed. by G. Pappas. Boston : D. Reidel. P. 1–23.
- Goodman J., Salow B. 2023. *Epistemology Normalized* // *Philosophical Review*. Vol. 132, iss. 1. P. 89–145. DOI 10.1215/00318108-10123787
- Greco J. 2003. Knowledge as Credit for True Belief // *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology* / ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. New York : Oxford Univ. Press. P. 111–134.
- Hookway C. 2003. How to be a Virtue Epistemologist // *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology* / ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. New York : Oxford Univ. Press. P. 183–202.
- Hookway C. 2006. *Epistemology and inquiry: The primacy of practice* // *Epistemology Futures* / ed. by S. Hetherington. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 95–110.
- Ichikawa J., Jarvis B. Forthcoming. *Hybrid Virtue Epistemology and the A Priori* // *The A Priori: Its Significance, Sources, and Extent* / ed. by D. Dodd, E. Zardini. Oxford : Oxford Univ. Press.
- Kvanvig, J.L. 2003. *The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding*. New York : Cambridge Univ. Press. 216 p.
- Lindberg, D., Numbers, R. 2003. *When Science and Christianity Meet*. Chicago and London : The Univ. of Chicago Press. 357 p. DOI 10.7208/9780226482156
- Nagel J. 2013. Knowledge as a Mental State // *Oxford Studies in Epistemology*. № 4. P. 272–308. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199672707.003.0010
- Paul H. 2011. How Historical Scholarship is Shaped by Epistemic Virtues // *History and Theory*. Vol. 50, iss. 1. P. 1–19. DOI 10.1111/j.1468-2303.2011.00565.x
- Paul R. 2000. *Critical Thinking, Moral Integrity, and Citizenship: Teaching for the Intellectual Virtues* // *Knowledge, Belief, and Character: Readings in Virtue Epistemology* / ed. by G. Axtell. Rowman & Littlefield Publ. P. 165–175.

- Plantinga A. 1993. *Warrant: The Current Debate*. New York : Oxford Univ. Press USA. 228 p.
- Quine W. 1969. *Ontological relativity, and Other Essays*. New York : Columbia Univ. Press. 165 p.
- Quine W. 1970. *The Web of Belief*. New York : Random House. 95 p.
- Riggs W. 2003. Understanding “Virtue” and the Virtue of Understanding // *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology* / ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. New York : Oxford Univ. Press. P. 203–226. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199252732.003.0010
- Ruse M. 2005. Methodological Naturalism Under Attack // *South African Journal of Philosophy*. Vol. 24, iss. 1. P. 44–60. DOI 10.4314/sajpem.v24i1.31413
- Sosa E. 1980. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge // *Midwest Studies in Philosophy*. Vol. 5, iss. 1. P. 3–26. DOI 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00394.x
- Sosa E. 2007. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*. Oxford : Oxford Univ. Press. 149 p.
- Sreenivasan G. 2002. Errors about Errors: Virtue Theory and Trait Attribution // *Mind*. Vol. 111, iss. 441. P. 47–68. DOI 10.1093/mind/111.441.47
- Stefanov A. 2016. Is The Standard Definition of Knowledge Incomplete? // *Croatian Journal of Philosophy*. Vol. 16, iss. 46. P. 107–111. DOI 10.5840/croatjphil20161615
- Stich S. 1990. *The Fragmentation of Reason: Preface to a Pragmatic Theory of Cognitive Evaluation*. Cambridge : MIT Press. 198 p.
- Tanswell F., Kidd I. 2020. Mathematical Practice and Epistemic Virtue and Vice // *Synthese*. Vol. 199, iss. 1-2. P. 407–426. DOI 10.1007/s11229-020-02664-6

References

- Baehr J. *Intellectual Virtues and Education: Essays in Applied Virtue Epistemology*, New York, Routledge, 2015, 284 p.
- Baehr J. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2011, 256 p.
- Battaly H. Teaching Intellectual Virtues, *Teaching Philosophy*, 2006, vol. 29, iss. 3, pp. 191–222. DOI 10.5840/teachphil200629333
- Battaly H. Virtue Epistemology, *Philosophy Compass*, 2008, vol 3, iss. 4, pp. 639–663. DOI 10.1111/j.1747-9991.2008.00146.x
- Boult C. The (Virtue) Epistemology of Political Ignorance, *American Philosophical Quarterly*, 2021, vol. 58, iss. 3, pp. 217–232. DOI 10.2307/48616057
- Cassam Q. Vice Epistemology, *The Monist*, 2016, vol. 99, iss. 2, pp. 159–180. DOI 10.1093/monist/onv034
- Clifford W.K. The Ethics of Belief, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 37–53. DOI 10.17323/2587-8719-2019-3-37-53 (in Russ.).
- Conee E., Feldman R. The Generality Problem for Reliabilism, *Philosophical Studies*, 1998, vol. 89, iss. 1, pp. 1–29.
- Groce M., Pritchard D. Education as The Social Cultivation of Intellectual Virtue, *M. Alfano, C. Klein, J. de Ridder (eds.), Social Virtue Epistemology*, London, Routledge, 2022, pp. 583–601.
- Daston L., Galison P. *Objectivity*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 584 p. (in Russ.).
- Dongen J. van, Paul H. (eds.) *Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities*, Cham, Springer, 2017, 198 p.
- Duhem P. *The Aim and Structure of Physical Theory*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1954, 344 p.

Emran S. The Nature of Epistemic Virtues in the Practice of Medicine, *Medicine, Health Care and Philosophy*, 2015, vol. 18, iss. 1, pp. 129–137. DOI 10.1007/s11019-014-9567-8

Engberts C. *Scholarly Virtues in Nineteenth-Century Sciences and Humanities: Loyalty and Independence Entangled*, Palgrave Macmillan, 2022, 226 p. DOI 10.1007/978-3-030-84566-7

Gaukroger S. *The Emergence of a Scientific Culture: Science and the Shaping of Modernity, 1210–1685*, Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford Univ. Press, 2006, 572 p. DOI 10.1017/S0007087408000915

Goldman A.I. What is Justified Belief, G. Pappas (ed.), *Justification and Knowledge*, Boston, D. Reidel, 1979, pp. 1–23.

Goodman J., Salow B. Epistemology Normalized, *Philosophical Review*, 2023, vol. 132, iss. 1, pp. 89–145. DOI 10.1215/00318108-10123787

Greco J. Knowledge as Credit for True Belief, L. Zagzebski, M. DePaul (eds.), *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 111–134.

Hookway C. Epistemology and inquiry: The primacy of practice, S. Hetherington (ed.), *Epistemology Futures*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2006, pp. 95–110.

Hookway C. How to be a Virtue Epistemologist, L. Zagzebski, M. DePaul (eds.), *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 183–202.

Ichikawa J., Jarvis B. Forthcoming. Hybrid Virtue Epistemology and the A Priori, D. Dodd, E. Zardini (eds.), *The A Priori: Its Significance, Sources, and Extent*, Oxford, Oxford Univ. Press.

Karimov A.R. Moral and Intellectual Exemplarism, *Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, no. 12, pp. 15–18. DOI 10.24158/fik.2017.12.2 (in Russ.).

Karimov A.R. The Challenge of Situationism for Epistemology of Virtues, *Herald of Vyatka State University*, 2017, no. 11, pp. 10–15. (in Russ.).

Karimov A.R. Through Virtues to Knowledge: on the Foundations of Aretaic Approach in Epistemology, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 6–21. DOI 10.5840/eps202158455 (in Russ.).

Kvanvig, J.L. *The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding*, New York, Cambridge Univ. Press, 2003, 216 p.

Lindberg, D., Numbers, R. *When Science and Christianity Meet*, Chicago, London, The Univ. of Chicago Press, 2003, 357 p. DOI 10.7208/9780226482156

Murtazin S.R. Epistemic Egoism and the Problem of Trust in Cognition, *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2021, no. 5, C. 35–51. (in Russ.).

Nagel J. Knowledge as a Mental State, *Oxford Studies in Epistemology*, 2013, no. 4, pp. 272–308. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199672707.003.0010

Paul H. How Historical Scholarship is Shaped by Epistemic Virtues, *History and Theory*, 2011, vol. 50, iss. 1, pp. 1–19. DOI 10.1111/j.1468-2303.2011.00565.x

Paul R. Critical Thinking, Moral Integrity, and Citizenship: Teaching for the Intellectual Virtues, G. Axtell (ed.), *Knowledge, Belief, and Character: Readings in Virtue Epistemology*, Rowman & Littlefield Publ., 2000, pp. 165–175.

Plantinga A. *Warrant: The Current Debate*, New York, Oxford Univ. Press USA, 1993, 228 p.

Popper K.R. *The Logic of Scientific discovery*, Moscow, Progress, 1983, 604 p. (in Russ.).

Quine W. *Ontological relativity, and Other Essays*, New York, Columbia Univ. Press, 1969, 165 p.

- Quine W. *The Web of Belief*, New York, Random House, 1970, 95 p.
- Riggs W. Understanding “Virtue” and the Virtue of Understanding, L. Zagzebski, M. DePaul (eds.), *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 203–226. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199252732.003.0010
- Ruse M. Methodological Naturalism Under Attack, *South African Journal of Philosophy*, 2005, vol. 24, iss. 1, pp. 44–60. DOI 10.4314/sajpem.v24i1.31413
- Sosa E. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge, *Midwest Studies in Philosophy*, 1980, vol. 5, iss. 1, pp. 3–26. DOI 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00394.x
- Sosa E. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2007, 149 p.
- Sreenivasan G. Errors about Errors: Virtue Theory and Trait Attribution, *Mind*, 2002, vol. 111, iss. 441, pp. 47–68. DOI 10.1093/mind/111.441.47
- Stefanov A. Is The Standard Definition of Knowledge Incomplete? *Croatian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 16, iss. 46, pp. 107–111. DOI 10.5840/croatjphil20161615
- Stich S. *The Fragmentation of Reason: Preface to a Pragmatic Theory of Cognitive Evaluation*, Cambridge, MIT Press, 1990, 198 p.
- Tanswell F., Kidd I. Mathematical Practice and Epistemic Virtue and Vice, *Synthese*, 2020, vol. 199, iss. 1-2, pp. 407–426. DOI 10.1007/s11229-020-02664-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Геннадьевич Хорт

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия;
ORCID: 0000-0003-4284-6533;
ResearcherID: H MV-0558-2023;
SPIN-код: 3689-3860;
E-mail: mikhort@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail G. Khort

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia;
ORCID: 0000-0003-4284-6533;
ResearcherID: H MV-0558-2023;
SPIN-код: 3689-3860;
E-mail: mikhort@gmail.com